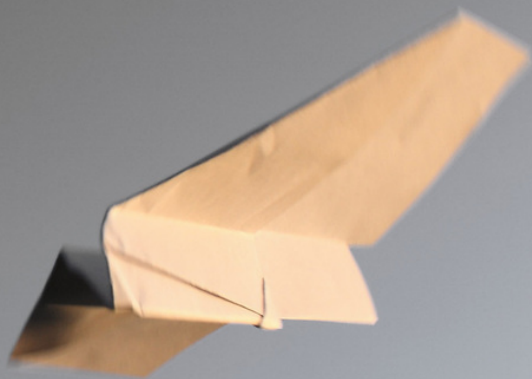

Двенадцать смертей Веры Ивановны

Нелли Мартова

Нелли Мартова
Двенадцать смертей
Веры Ивановны

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25919428
Двенадцать смертей Веры Ивановны:

Аннотация

«Вера Ивановна решила умереть. Всю свою долгую жизнь она презирала людей, у которых по семь пятниц на неделе. Про нее этого уж точно сказать было нельзя: если что решила, то решила. Если задумала на обед борщ, значит, будет борщ, даже если отключат газ. Если решила умереть, значит, умрет, и непременно девятого числа. Неважно, какого месяца. В идеале, конечно, лучше бы в сентябре. Тогда на памятнике будут красивые цифры: „09.09.1939– 09.09.2009“...»

Содержание

Январь	8
Февраль	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Нелли Мартова

Двенадцать смертей

Веры Ивановны

Вера Ивановна решила умереть. Всю свою долгую жизнь она презирала людей, у которых по семь пятниц на неделе. Про нее этого уж точно сказать было нельзя: если что решила, то решила. Если задумала на обед борщ, значит, будет борщ, даже если отключат газ. Если решила умереть, значит, умрет, и непременно девятого числа. Неважно, какого месяца. В идеале, конечно, лучше бы в сентябре. Тогда на памятнике будут красивые цифры: «09.09.1939– 09.09.2009».

Первого января две тысячи девятого года она сидела у окна, в крохотной хрущевской кухне, и смотрела, как во дворе играет ребяшня. Мерно тикали ходики.

Высунулась кукушка и хрипло сказала:

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Кот Васька широко зевнул и почесал за ухом. Мотнул головой и уложил полосатую морду обратно на тощие лапы.

В тазике кипятилось белье, и окно потихоньку запотевало. Вера Ивановна нарисовала пальцем точку, потом еще одну и соединила их между собой. Через любые две точки на плоскости можно провести прямую, и только одну.

Вот так, от точки к точке уже почти семьдесят лет рисо-

вала учительница математики строгую линию своей жизни. Закончить институт, выйти замуж, родить ребенка, стать заслуженным работником образования, выйти на пенсию, похоронить мужа после второго инфаркта. Эх, растить бы сейчас внуков! Но внуков Вера Ивановна не дождалась. Дочка еще в молодости, в походе, по глупости застудилась, приговор врачей был однозначным. Зять попался непутевый, много пил, нигде толком не работал. Долгое время держалась Вера Ивановна одной только любимой работой, но после шестидесяти стала подводить память. Теоремы и аксиомы она помнила отлично, а вот имена учеников и расписание уроков стала частенько забывать. Провожали ее с почетом, ребята подарили рисунки и огромную коробку конфет.

На пенсии Вера Ивановна считала дни от праздника до праздника. Дочь жила в другом городе, часто болела, мать навещала редко, но по праздникам обязательно звонила, а изредка приезжала, и понемногу помогала деньгами.

Вера Ивановна вязала теплую шаль к Новому году или вышивала подушку к восьмому марта, и отправляла посылкой, непременно заранее, чтобы успела дойти. В комнате возле швейной машинки до сих пор лежало недоделанное лоскутное одеяло. Она никак не находила в себе сил убрать его.

Пьяный водитель плюс гололед на дороге плюс полная людей автобусная остановка равняется мгновенной смерти. От перемены мест слагаемых сумма не меняется.

Вера Ивановна так привыкла к тому, что хотя дочери ря-

дом и нет, но где-то там, откуда слышно только родной усталый голос и бормотание телевизора, она все-таки есть, что не могла поверить: неужели этот мир далеких звуков исчез? Иногда она по привычке ждала звонка и засыпала, глядя на молчащий телефон.

Зять настаивал, что надо требовать от водителя компенсации, что иномарка у него дорогая и, если пообещать попросить за него в суде, то можно даже договориться насчет квартиры. Обещал приезжать, помогать деньгами и по хозяйству, но Вера Ивановна сразу после похорон вернулась домой. Во-первых, она никогда в жизни не умела ничего требовать, кроме выполнения заданий от учеников, даже повышения зарплаты стеснялась попросить, а во-вторых, и зять, и пьяный водитель существовали в параллельной плоскости, а параллельные плоскости, как известно из школьной геометрии, не пересекаются.

Теперь в ее жизни осталась только одна точка – место на кладбище.

Отчего-то Вера Ивановна была уверена, что бог пошлет ей смерть сразу же, как она попросит. И не нужно будет класть голову в духовку с риском взорвать весь дом, или глотать таблетки, чтобы захлебнуться потом в рвотной массе, и бросаться из окна тоже не придется. Достаточно будет просто лечь и закрыть глаза. Мать ей рассказывала, что так умерла в деревне ее прабабушка в возрасте за девяносто. Так и сказала детям: «Помру я завтра». Подоила корову, перести-

рала белье, отдраила полы, сходила в баньку, переделалась в чистое, легла да и померла себе тихонько. А она чем хуже прабабки?

Но сначала надо все привести в порядок – и дела, и квартиру. А потом прочертить последний отрезок – спокойный и радостный день, достойный финал достойной жизни. И тогда она умрет тихо и легко, без мучений, и непременно попадет в рай. Вот только бы сделать одну давно задуманную вещь, но непременно в день смерти. Потому что стыдно, если кто об этом при ее жизни узнает. А после смерти пусть, ей уже все равно будет.

Белье давно остыло, а Вера Ивановна все сидела у окна. Надела очки, взгляделась в морозные узоры на стекле. Говорят, если в доме холод рисует красивые узоры, значит, в нем живут хорошие люди. Чем больше смотрела она на ажурные переплетения снежных линий, на тонкие и воздушные расписные кружева, тем больше ей верилось, что задуманное непременно сбудется.

Восьмого марта она опять будет по привычке ждать звонка от дочери. И первого мая, а потом девятого. А телефон будет молчать, и одеяло будет лежать возле швейной машинки. И руки будут ничем не заняты, потому что ни ей самой, ни дочери ничего больше не нужно.

Нет, сил ждать до сентября у нее больше нет. А до девятого января всего-то чуть больше недели. «09.09.1939–09.01.2009» – тоже красивые цифры.

Январь

Самым важным делом перед смертью Вера Ивановна посчитала обеспечить достойную старость для кота Васьки. Кот не виноват, что хозяйка решила умереть. Надо найти ему хороший дом, где его будут любить. Собственно, до пенсии она и домашних животных-то в доме не держала, потому что от них шерсть кругом и запах. А этого котенка принесли ученики в ее первый день Учителя, что прошел не на работе, трогательно повязали ему на шею розовый бантик. Тогда ее еще помнили и коллеги, и дети, поздравляли со всеми праздниками, а она радовалась и угощала всех домашними пирожками с картошкой.

Поначалу Вера Ивановна хотела куда-нибудь пристроить нежданный подарок, но котенок был страшным – тощий, кучый, усы с левой стороны обломаны, да еще и хромал на одну лапу. К тому же, нежностей он не проявлял, спал на полу возле батареи, мордой об ноги не терся и почти не мурлыкал. Зато исправно уминал всю еду из мисок и по весне ускользал через форточку за приключениями. Возвращался грязным, исцарапанным, но довольным. «Приняла обузу», – вздыхала Вера Ивановна, но раз уж взяла на себя ответственность за живое существо, то выгнать не могла. Покупала на рынке кильку да куриные шейки, кормила бандита, смазывала боевые раны зеленкой. Муж-покойник поговаривал, что с котом

как-то дома веселее, уютнее.

Слава богу, кот – не собака, сохнуть по хозяйке не будет. Найти ему теплое местечко, где миска всегда полная, и ладно. А тот будто мысли ее читал, только начинала она голову ломать, куда девать бандита, как поднимал облезлую полосатую морду и тарасил большие желтые глаза. А иногда вспрыгивал на подоконник, глядел сначала за окно, а потом – укоризненно – на хозяйку. Мол, куда ж я в такой мороз, сдохну ведь на улице.

Поначалу попыталась Вера Ивановна предложить кота Лизе. Елизавета, социальный работник, навещала пенсионерку регулярно, обычно раз в неделю. Если Вера Ивановна болела, то приносила лекарства и продукты, помогала по дому. А чаще просто составляла компанию за чашечкой чая.

– Вериванна, да вы что! Сколько лет он с вами живет! А мне муж все равно не разрешает животных держать.

– Не прокормить мне его, пенсия-то маленькая, а он картошку с хлебом есть не будет, – вздыхала Вера Ивановна.

– Ничего, вон, летом, на улицу будет бегать да мышей с голубями ловить.

«Отдам в добрые руки старого полосатого кота», – вывела Вера Иванова ровным учительским почерком. Потом подумала и добавила: «Кормить нечем». На объявление, к ее удивлению, откликнулось несколько человек. Правда, кота никто забирать не хотел. Но в холодильнике целая полка заполнилась пакетиками «Вискаса» и дешевыми сосисками.

После визитов таких гостей Васька вываливал на коврик надутое пузо и даже издавал едва слышное утробное бурчание. Вера Ивановна качала головой и продолжала заниматься наведением порядка.

Собственно, в квартире порядок и так царил идеальный. Что еще делать пожилой женщине на пенсии, как не перебирать старые вещи? Каждый год она что-нибудь выкидывала. Нарядное платье, шифоновое с атласными рукавами – в нем она получала награду «Учитель года», а теперь не влезет в него, и немодное оно, и ходить в нем некуда. Чемодан, с которым ездила раньше в гости к дочери – совсем развалился, да и ездить больше некуда. Не поднималась рука выкинуть только учебники по математике, с пятого по одиннадцатый класс, алгебра и геометрия, да сборники олимпиадных задачек.

Квартиру сразу после смерти дочери она завещала Лизавете. Во-первых, больше некому было, а во-вторых, та ютилась в однушке с мужем, матерью и ребенком. В советские времена они давно бы получили квартиру, а сейчас с ее зарплатой социального работника и мужа – врача на скорой, они за всю жизнь не накопят. Пусть хотя бы Вера Ивановна в силу своих обстоятельств выполнит роль, какую должно было выполнить государство, это будет справедливо.

Правда, сама Лиза об этом пока ничего не знала. В любом случае, учебники ей вряд ли понадобятся, дочка еще мала, да и наверняка сейчас пользуются другими.

Морозным утром седьмого января Вера Ивановна отнесла связку толстых учебников к помойке. Поставила рядышком с вонючим мусорным ящиком, может, все-таки возьмет кто. Ушла и даже не оглянулась ни разу. Только стало ей сразу как-то легче, будто половину линии провела до последней, самой важной точки.

А восьмого января случилась радость. Соседка, Клава, позвонила в дверь в несусветную рань, в половине седьмого.

– Слышь, Вер, мы в деревню собрались. Давай Ваську своего, там котом меньше, котом больше, мышей на всех хватит, – и зычно расхохоталась.

– Тише ты, Клав, перебудишь всех.

Она сунула ей в руки округлившееся за последнюю неделю кошачье тело, дала пару пакетиков корма в дорогу. Морда у кота была сытая, сонная. Он приоткрыл глаза, глянул снизу вверх на Веру Ивановну и снова зажмурился.

– Езжай, бандит старый. Будешь там местным ловеласам уроки давать.

Спать она больше не ложилась. Шутка ли дело – один день остался, один последний день!

Выкинула баночки из-под сметаны, что служили коту мисками, остатки корма отдала дворницкой собаке Жужке. Перемыла все полы, еще раз проверила, аккуратно ли разложено белье в шкафу в стопочки. Приготовила конверт с копией завещания и похоронными деньгами, для Лизы. У нее есть свой ключ, она должна заглянуть в субботу, десятого.

Хотела написать записку, да передумала. Весь вечер ходила по квартире, поправляла посуду в буфете, еще раз смахивала пыль с вазочек. На душе было легко и светло, как всегда, когда она готовилась добраться до следующей точки. Еще один день, и не будет больше мучительно молчать телефон, и не увидит она, как бегут под окном ребятишки с ранцами в школу.

Наступило девятое января. Вера Ивановна позавтракала творогом и сухим печеньем, выпила стакан чая. Потом долго гуляла в парке, так, что нос и щеки стали красными, а ноги в валенках сковал холод. В церковь заходить не стала, она никогда не была особенно набожной. Но старушкам возле входа подала, по целых пятьдесят рублей. Днем приняла горячую ванну, потом как следует отдраила ее после себя. Пообедала вчерашними постными щами и остаток дня читала потрепанный томик Чехова. Водила глазами по строчкам, которые знала наизусть, а в голове звенела легкая, приятная пустота. В восемь вечера, после манной каши на ужин, постелила чистую постель. Сегодня она ляжет спать, а завтра, десятого, не проснется.

Конверт для Лизы она положила на тумбочке возле кровати. Потом села за стол. Одно-единственное последнее дело осталось. Вера Ивановна усмехнулась. Посмеются над ней, да и ладно. На том свете все равно. На кухне захрипели часы.

Она подперла голову рукой и принялась, по привычке, считать вслух.

– Один, два, три...

С девятым ударом за дверью раздалось истошное мяуканье. Вроде не март, чего там коты разорались? Вера Ивановна пыталась сосредоточиться на предстоящем, но вопли за дверью становились все более истошными, будто ребенок плачет-надрывается. Не прошло и десяти минут, как раздался звонок в дверь. Она вздохнула и пошла открывать.

– Вера Ивановна, не слышите что ли, как ваш разоряется?

В квартиру метнулась серая тень. А когда она вернулась в комнату, из-под батареи на нее смотрела страшная и облезлая кошачья рожа. Кончики ушей Васька поморозил, но из груди его доносилось глухое утробное мурчание, суровое и мужское, как хор советской армии.

– Тьфу на тебя, черт полосатый, – ругнулась Вера Ивановна, что она позволяла себе очень редко.

Февраль

Вера Ивановна сидела у окна и смотрела на тяжелую снежную тучу. Вальжжные снежинки неторопливо покрывали машины и скамейки во дворе. В кухне снова стояли кошачьи баночки из-под сметаны, их полосатый обладатель свернулся под батареей куцей потрепанной шапкой. Когда кот трескал вареную кильку, и за ушами у него хрустело, у Веры Ивановны будто таяла где-то внутри крохотная льдинка. Надо же, вернулся ведь, удрал с полдороги и нашел дом. Впрочем, она где-то читала, что кошки привязываются к дому, а вовсе не к хозяевам. В конверте для Лизы появилась коротенькая записка: «А Ваську отдай тете Клаве в деревню, да пусть смотрит, чтоб не сбежал по дороге».

Весь остаток января Вера Ивановна работала над лоскутным одеялом. Она решила, что нельзя оставлять на этом свете недоделанное дело. Одеяло можно отдать в больницу или в детский дом. А еще лучше – в дом престарелых. Поначалу она думала, что ничего не получится, не сможет она вот так, как ни в чем не бывало, сесть за машинку и соединять лоскутки. Еще два месяца назад она мечтала, как дочь будет укутываться в одеяло зимними вечерами, а о чем мечтать теперь? Но к ее удивлению руки согласились послушно выполнять работу. Иногда ей казалось, что она даже знает, для кого делает одеяло. Смутный теплый образ выплывал будто

оттуда, куда она собиралась уйти навсегда, и для него она продолжала строчить целыми днями, будто стоит ей закончить одеяло, как этот незнакомый, но уже родной человек материализуется из ниоткуда, чтобы получить свой подарок и сказать спасибо.

Она безжалостно распоролла летний веселый халат в цветочек и две хлопковые блузки – все равно не пригодятся. После целого дня за работой у нее болела спина, и тогда она перевязывала поясницу теплой шалью. Васька пристраивался рядом, чего раньше за ним не наблюдалось, и грел больное место мягким кошачьим теплом. Дело двигалось медленно. Иногда она ошибалась и приходилось отпарывать несколько лоскутков и пришивать их снова.

Ходики на кухне стучали в такт швейной машинке, пестрые лоскутки ложились аккуратно рядом, один к другому, настольная лампа светила и грела, будто маленькое солнышко. Один вечер превращался в другой, и пока под руками ложился аккуратный шов, Вера Ивановна думала о том, какой лоскуток приладить следующим.

Однажды она обнаружила на двери подъезда объявление, что девятого февраля в соседнем доме культуры состоится благотворительная ярмарка какого-то не то «ханмада», не то «хиндмайда». Лиза разъяснила, что «хэндмейд» – это все, что сделано своими руками. Вера Ивановна очень обрадовалась, когда узнала, что на ярмарке можно будет продать свое одеяло, а деньги пойдут в благотворительный фонд. Надо же,

какое удачное совпадение!

– Красота-то какая, Вериванна, с руками ведь оторвут! – восхищалась Лиза. – Задешево не продавайте! Лучше б себе деньги-то оставили, пенсия ведь маленькая.

Наступило восьмое число, толстые снежинки торопились укрыть землю очередным слоем покрывала, а в комнате, на диване, лежало готовое одеяло, отпаренное и выглаженное. Последние три дня Вера Ивановна даже спать ложилась не раньше двух ночи, и вот успела, закончила. Хорошо, что когда она будет уходить, в этом мире останется два новых уютных одеяла – новенькое снежное для улиц и газонов, и лоскутное, теплое для какого-нибудь хорошего человека.

Свою работу оценила Вера Ивановна дорого – в целую пенсию. Деньги-то ей нужны были не для себя. Многие подходили, щупали одеяло, хвалили. Отчего-то было ей неприятно, когда чужие руки гладили лоскутки, каждый из которых был таким родным: кусочек летнего халата, в котором она жарила пирожки для дочери, и клетчатая рубашка мужа, последняя из тех, что она долго не решалась выкинуть, и темно-зеленая летняя штора, которая хранила в знойные дни прохладу в спальне. Поначалу Вера Ивановна хотела уйти, но она ведь уже решила, что продаст одеяло. И потом, сегодня девятое число. И дома снова чисто вымыты полы, и ждет-не дождется последняя из тех несбывшихся мечт, что еще не поздно исполнить даже в самый последний момент жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.